

С.В. РЫЖОВА

ДОВЕРИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3920

Аннотация. Цель статьи — анализ концептуальных подходов к исследованию доверия, обзор инструментов его изучения и эмпирическое раскрытие понятия «культура доверия». Дискутируются некоторые проблемы эмпирического изучения обобщенного доверия; аргументируется тезис о том, что этническая толерантность является элементом культуры доверия. Представлены результаты социологического исследования москвичей, осуществленного методом формализованного интервью в 2014 г. Изучались установки доверия и субъективные основания для доверия и недоверия, сложившиеся в московском социуме. Использовалась трехступенчатая случайная вероятностная территориальная выборка, распределенная по административным округам пропорционально численности их населения. Объем выборочной совокупности 800 респондентов, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Использование в качестве инструмента для исследования доверия простой 4-балльной шкалы позволило заключить, что население Москвы сильно поляризовано в отношении доверия окружающим — 47,6% склонны в целом доверять людям и 46,5% — не доверять. Сети доверия в Москве формируются главным образом на основе ближайшего родственного и дружеского круга. Очевиден дефицит базового доверия. Исследование позволяет заключить, что обобщенное доверие и этническая толерантность — взаимозависимые феномены. Связующим звеном между этими процессами выступают взаимоотношения сотрудничества, возникающие на основе дружеских связей и добрососедства.

Ключевые слова: доверие, основания для доверия и недоверия, этническая толерантность, показатели этнической толерантности, культура, Москва.

Рыжова Светлана Валентиновна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-56-51. **Электронная почта:** Silica2@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-18-01963.

Вводные замечания

Доверие как феномен социального восприятия и взаимодействия, фактор социальной интеграции и позитивного общественного развития приобретает особый смысл в период общественных трансформаций, сопряженных с радикальной сменой политической и экономической системы. Серьезным вызовом является необходимость в создании условий для накопления доверия в этнокультурно неоднородной среде и в условиях невысокой гражданской активности россиян.

В статье анализируются результаты исследования «Ресурс межэтнического согласия в Москве», осуществленного при участии автора в 2014 г. [21]¹. Рассматривается уровень обобщенного (генерализованного) и межличностного доверия, анализируются основания для доверия и недоверия. Задача — оценить масштабы доверия и этнической толерантности в московском социуме, выявить основания для доверия / недоверия; исследовать взаимосвязь доверия и этнической толерантности. Москва — крупнейший многонациональный город с русским большинством и с сильными визуальными образами этнической вариативности, благополучный в социально-экономическом отношении мегаполис, стабильно занимающий первые позиции в рейтингах социально-экономического развития и качества жизни. Вместе с тем в Москве велик приток иноэтничных мигрантов, сильна конкуренция за высокооплачиваемые рабочие места. Поэтому оценка уровня доверия, сложившегося в столице, рассматривается нами сквозь призму установок этической толерантности.

Для нас важен ракурс исследования доверия, в основе которого — понятие «культура доверия». В рамках этого подхода доверие рассматривается как компонент культуры и ресурс поступательного социального развития. Анализ *оснований доверия и недоверия* позволит нам прояснить мотивационные и ценностные структуры «культуры доверия», формирующейся в Москве.

Концептуализации понятия «доверие» и подходов к исследованию

Доверие является феноменом, с трудом поддающимся универсальной концептуализации; под доверием понимаются многообразные феномены сознания и бессознательного, связанные с отношением к людям и социальным объектам, их оценка в контексте «надежности». Социальные функции доверия изучаются социологами, экономистами, политологами, психологами, антропологами. А. Алексеева [1, с. 23], обобщив представления о феномене доверия, приходит к выводу, что доверие описывается через такие понятия, как уверенность, вера, ожидания, убеждения, надежда, преодоление рисков и неопределенности.

¹ Использовалась трехступенчатая случайная вероятностная территориальная выборка, распределенная по административным округам пропорционально численности их населения. Объем выборочной совокупности 800 респондентов, выборка репрезентативна по полу и возрасту.

В психологии доверие — это развернутое отношение, имеющее внутреннюю структуру и мотивационный «каркас»; в социологии это атрибут социальных взаимодействий. В работах психологов [8; 24; 26 и др.] основное внимание уделяется анализу содержания понятия «доверие» и тем факторам групповой динамики и личностных свойств, которые оказывают влияние на его формирование. Психологический анализ внутреннего содержания доверия позволил Т.П. Скрипкиной сделать вывод, что за всеми формами и видами доверия стоит «единый феномен, имеющий в предельно обобщенном виде... сходные характеристики проявления, закономерности функционирования, независимо от того, в какой сфере жизни человека он проявляется» [24, с. 10].

В социологии под доверием в самом общем смысле понимается ожидание благоприятного поведения с чьей-либо стороны в неопределенной ситуации. Проанализировав современные дефиниции понятия доверия, П. Штомпка приходит к выводу, что в социологической перспективе у всех определений доверия есть общая черта — оно всегда связано с оценкой действий других людей [32, с. 81]. Важное дополнение вносит Э. Гидденс — в современных обществах доверие может выражаться не только по отношению к другим людям, но и в отношении абстрактных систем [34, с. 33]. Об этом важно помнить, когда объектом доверия оказываются не только люди, но разные «неодушевленные» социальные объекты / факты и категории — институты, группы, персоны, символы, дискурс, а также «технические системы», поддерживающие безопасность общественной среды.

В социологическом контексте понятие уровня доверия применяется очень широко: как показатель социального благополучия, индикатор процессов развития институтов гражданского общества и соответствующих ему установок массового сознания. Уровень доверия показывает степень добровольной консолидированности общества, складывающейся на основе личностной автономии и солидарности; качество свободы граждан; ощущение безопасности. Во Всемирном исследовании ценностей [10] доверие рассматривается как индикатор ценностных изменений, результат трансформации культуры при переходе общества от ценностей выживания к ценностям самореализации.

Дж. Коулман рассматривает доверие как элемент социального капитала, который отражает качество и эффективность социальных взаимоотношений. В его представлении социальный капитал строится на нравственных основаниях и складывается из тесных семейных уз и доверительных контактов, существующих внутри религиозного, профессионального или иного локального сообщества. Основу социального капитала составляет межличностное доверие, которое, в свою очередь, формируется в условиях общности нравственных ориентиров, поэтому социальный капитал представляет собой общественное благо [13, с. 125, 138]. Р. Патнэм в определение социального капитала вносит

понятия исторически укорененных традиций социального взаимодействия, построенных на основе социальных норм взаимности и доверия [19]. Именно эти традиции в современных обществах повлияли на формирование и распространение добровольных ассоциаций различного толка, послуживших основой для широкого вовлечения граждан в политику и создание современных демократических институтов.

Ф. Фукуяма, анализируя социальные предпосылки и последствия доверия как культурно обусловленного феномена, рассматривает его роль в экономическом и политическом развитии. Фукуяма был одним из первых, кто стал разрабатывать понятие «культура доверия». В его исследованиях культура доверия показывает, благодаря каким ценностям, установкам, институциональным правилам, нормам поведения в обществе складываются и поддерживаются отношения доверия. Под доверием он понимает ожидание предсказуемого и честного поведения людей в отношении друг друга, базирующегося на общих нормах — как религиозных по происхождению, так и светских, например профессиональных стандартах [28, с. 52]. Ф. Фукуяма отмечает, что доверие *вторично* по отношению к существующим нормам и ценностям, оно подразумевает способность взаимодействовать на базе общеразделяемых норм и правил, укорененных в традиции и современных институтах. Гражданское общество как переплетение различных социальных институтов «среднего звена» — добровольные ассоциации, клубы, союзы и СМИ, различные экономические предприятия и образовательные учреждения — в значительной степени поддерживается межличностным доверием. Взаимное доверие является предпосылкой любого успешного социального взаимодействия, поскольку на нем зиждутся все договоренности. В основе современного общества лежат этические предписания, обусловленные традиционной культурой, которые проявляются в религии, обычаях, устоях конкретного общества [28, с. 67, 31].

Выдающуюся роль культуры в процессах модернизации демонстрируют исследования, осуществленные под руководством Р. Инглхарта. Один из серьезных выводов состоит в том, что социально-экономическое развитие обществ ведет к универсальным культурным изменениям, в числе которых — рост межличностного доверия и толерантности, которые, в свою очередь, инициируют экономическую и гражданскую активность [9, с. 76].

Процесс формирования и становления институционально оформленной «культуры доверия» анализирует П. Штомпка. Если Ф. Фукуяма концентрируется на национальных, культурно обусловленных предпосылках, способствующих формированию доверия в бизнес-сообществах, и его роли в инициировании гражданской активности в разных странах, то П. Штомпка анализирует доверие с позиций механизмов его формирования, поддержания и разрушения. Он раскрыл сущность понятия «культура доверия» на социально-пси-

хологическом и коммуникативном уровнях как неизменного и постоянного фактора внешней среды, оказывающего нормативное давление на участников взаимодействия и иницилирующего и поощряющего добросовестное и ответственное поведение в отношении партнеров.

В чем же выражается непосредственно «культура доверия»? П. Штомпка показал, что культура доверия складывается как институционализирующаяся практика доверительных отношений, вырастающая из уважения правил и норм, создающих основу честного, добропорядочного поведения в социальных контактах. Культура доверия возникает в результате длительного опыта, закрепляющего за социальными нормами характер морального должностования; она воспроизводится в процессе социализации и предписывает воспринимать добросовестность в отношениях как ценность, а доверчивость — как норму [32, с. 326]. Противоположностью культуры доверия является «культура цинизма», обосновывающая как норму недоверие и подозрительность [32, с. 286].

Доверие может накапливаться и разрушаться, оно проявляется в разных формах, на разных уровнях и «глубинах» социального взаимодействия. Л. Гудков на основе анализа данных Левада-Центра говорит о различных смысловых основаниях доверия. Содержание доверия варьируется от специализированных ролей и норм в одних случаях до недифференцированных отношений — в других [4]. Он призывает фиксировать основания доверия, учитывая не только различные институциональные нормы, способствующие его формированию, но и те «пласты культуры», которыми определяются сами эти нормы. В отечественных эмпирических исследованиях доверие рассматривается как серьезный фактор социальной стабильности [31]; исследуется с учетом социальных норм и ожиданий, их «встроенности» в социальную структуру общества [23]; рассматриваются функции [15] и барьеры [20] доверия в гражданском обществе. П.М. Козырева в серии работ, посвященных доверию, показывает его роль в интеграционных процессах [11, с. 33], делает важный вывод о том, что толерантность вносит существенный вклад в сокращение потенциала недоверия [12, с. 32]. В.И. Мукомель рассматривает недостаток доверия в качестве глубинной причины роста ксенофобных ориентаций в России [16].

Эмпирическое исследование доверия в социологии

В массовых социологических исследованиях изучают обобщенное, межличностное и институциональное доверие. *Обобщенное доверие* — это доверие к «людям вообще», к людям в целом, независимо от ситуации и условий. *Межличностное доверие* — это доверие к тем людям, которые входят в круг ближайшего социального окружения, — к членам семьи, родственникам, соседям, друзьям, ближайшему кругу знакомых. *Институциональное доверие* как элемент культуры доверия отражает отношение к социальным институтам. Важным показателем яв-

ляется доверие к политическим институтам [14]. Культурологический подход к исследованию институционального политического доверия представлен в исследованиях Г. Алмонда и С. Вербы [2], показавших, что в формирование политического доверия вовлечены культурно обусловленные нормы и паттерны поведения.

Под *базовым доверием* понимается фундаментальная установка доверчивости в отношении к миру и к себе, формируемая в первые годы жизни, чувство «неизменной расположенности» к себе людей и мира. Понятие базового доверия было введено в научный оборот Э. Эриксоном, который показал, что устойчивое базовое доверие у взрослого человека представляет собой «сочетание веры и реализма» [33, с. 106, 92]; это динамическая характеристика поведения, которая может быть устойчивой в благоприятных ситуациях и подвергаться «атакам» со стороны недружелюбных и травмирующих обстоятельств, колебаться из-за крушения надежд и идеалов. Эриксон указывает, что именно стабильные социальные институты и общественные ритуалы поддерживают в человеке чувство уверенности и дают гарантии против тревоги и чувства уязвимости [33, с. 92].

В современных обществах обобщенное доверие складывается на основе межличностного доверия и с опорой на культуру доверия. Межличностное доверие, в свою очередь, формируется на основе базового доверия. Культура доверия в некотором роде является результатом формирования опыта доверительных межличностных отношений, она подкрепляется базовым доверием, имеет институциональный характер, так как закреплена в нормах, ценностях, правилах. На основании устойчивой культуры доверия и опыта личных доверительных отношений формируется обобщенное доверие по отношению к людям в целом.

Как отмечалось выше, понятие доверия не имеет универсального, единого для всех дисциплин определения. В эмпирических социологических исследованиях под доверием в самом общем смысле понимают веру в благонадежность людей; в качестве индикатора недоверия рассматривается *осторожность в отношениях с людьми*. Противопоставление *доверия* и *осторожности* берет свое начало из сравнительных международных социологических исследований, когда респонденту предлагается выбрать одну позицию из четырех: «1 — людям почти всегда следует доверять», «2 — людям обычно можно доверять», «3 — с большинством людей в отношениях следует быть осторожным», «4 — почти всегда в отношениях с людьми надо быть осмотрительным, людям нельзя полностью доверять»².

² Международный проект ISSP «Доверие», осуществлен в 2007 г. исследователями из 24 стран. В России по этой методике опрос проводился Левада-Центром (руководитель проекта — Л.А. Хахулина) по общероссийской репрезентативной выборке (N=1000). См.: Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура [4].

Согласно данным российских социологических служб, уровень доверия в России невелик. Исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ, 2007–2013 гг.) показали: лишь 1/5 населения России полагают, что большинству людей можно доверять, и 3/4 населения уверены, что в отношениях с людьми надо проявлять осторожность [6]. Индикатором выявления доверия / недоверия служил закрытый вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» с предлагающимися вариантами ответов: «большинству людей можно доверять», «в отношениях с людьми следует быть осторожным».

По данным Левада-Центра (исследования 2010–2015 гг.) [18, с. 23], около 1/3 населения России полагают, что людям можно доверять (по сумме ответов «практически всегда людям можно доверять» и «обычно людям можно доверять»), и 2/3 уверены в том, что осторожность в отношениях с людьми не помешает (по сумме ответов «практически не помешает...» и «обычно не помешает...»). Таким образом, согласно ведущим социологическим службам России получается, что недоверием охвачены от 2/3 до 3/4 россиян.

На наш взгляд, нет оснований интерпретировать осторожность в отношениях с людьми как отсутствие доверия, которое означает аномию, разрыв социальных связей, кризис общества. Ответ «*осторожность в отношениях с людьми не помешает*» может подразумевать не только недоверие, но и *осторожное доверие* (или *доверие с осторожностью*), поведение согласно поговорке «доверяй, но проверяй»), которое сформировалось у современных россиян в результате жизни в «эпоху перемен», в период радикальных и быстрых общественных трансформаций, переоценки ценностей.

Доверие / недоверие среди москвичей

Формулировка вопроса, которую используют российские социологические центры (ФОМ и Левада-Центр) и международные проекты, не дает возможности исследователю выделить долю людей с такой установкой на доверие или недоверие, которая приобрела бы форму *убеждения*. Поэтому в нашем исследовании была использована простая 4-балльная шкала доверия / недоверия с возможностью вычленения убежденно доверяющих и убежденно не доверяющих (индикаторы: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей точно нельзя доверять») и выделения доли тех, чье мнение находится под влиянием ситуации и контекста, — «скорее не доверяющих» и «скорее доверяющих» окружающим.

Исследование обобщенного доверия, проведенное в Москве в 2014 году, показало, что население города разделено практически пополам — 47,6% склонны доверять людям (по сумме ответов «точно можно доверять» и «скорее можно доверять») и 46,5% склонны не доверять (по сумме ответов «точно нельзя доверять» и «скорее

нельзя доверять»). При этом *убежденно не доверяющих* москвичей (выбор ответа «большинству людей точно нельзя доверять») почти в два раза больше, чем *убежденно доверяющих* (15,9 против 8,4%), хотя в целом эти доли невелики (см. табл. 1). Полученные данные с использованием простой 4-балльной шкалы позволяют сделать вывод, что среди москвичей уровень доверия выше, чем в целом в России, и что население Москвы сильно поляризовано в отношении доверия окружающим. Низкая доля «убежденно доверяющих» (8,4%) говорит о дефиците базового доверия.

Таблица 1

Уровень обобщенного доверия в Москве

Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?	% от общего числа опрошенных
большинству людей точно можно доверять	8,4
большинству людей скорее можно доверять	39,2
большинству людей скорее нельзя доверять	30,6
большинству людей точно нельзя доверять	15,9
затрудняюсь ответить	6,1

Ф. Фукуяма, анализируя роль национальных культур в процессах становления современных корпораций, выделяет два главных способа человеческой ассоциации — через семью и через внеродственные объединения. Общества, где преобладает семейственная ассоциация, он называет «фамилистическими»: это Китай, Италия, Южная Корея, Франция. В этих обществах семья является базовой единицей экономической организации, и межличностное доверие (Фукуяма его называет фамилистическим, родственным доверием) *замыкается семейственным кругом*. Поэтому в этих странах путь создания корпораций, требующих для своего успешного развития широкой сети внеродственных социальных связей и основанного на них доверия, оказался трудным. В этих странах высока роль государства, которому приходится брать на себя ответственность за устойчивое существование корпораций. Общества, где преобладают внесемейственные ассоциации и объединения, — Германия, Япония — обладают, в отличие от «фамилистических», более высоким уровнем обобщенного доверия, и поэтому они без труда создали крупные корпорации, основанные на внесемейных связях и ассоциациях. Эти наблюдения Ф. Фукуямы очень интересно приложить к российской действительности.

По данным проведенного исследования, в Москве отмечается весьма высокий уровень доверия к ближайшему родственному окружению — 96,3% доверяют членам своей семьи и 88,7% доверяют родственникам (по сумме ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю»). Коллегам и соседям доверяют меньше — 61,4 и 62,2% со-

ответственно; но все же доля доверяющих составляет ббольшую часть опрошенных (см. табл. 2).

Таблица 2

Институциональное и межличностное доверие среди москвичей,
% от общего числа опрошенных

Межличностное доверие				
<i>Насколько Вы доверяете...</i>	полностью доверяю	скорее доверяю	скорее не доверяю	совсем не доверяю
коллегам по работе	16,7	44,7	6,6	2,9
членам вашей семьи	81,7	14,6	1,6	0,9
друзьям	55,1	34,6	5,1	1,7
соседям	13,3	48,9	20,3	6,5
родственникам	50,9	37,8	6,1	1,7
Институциональное доверие				
<i>Насколько Вы доверяете...</i>	полностью доверяю	скорее доверяю	скорее не доверяю	совсем не доверяю
крупному бизнесу	3,2	20,5	28,2	29,8
судьям	3,2	21,7	27,6	24,1
правительству России	12,7	42,5	19,7	14,7
мэрии и правительству Москвы	10,4	38,8	23,2	15,9
представителям местной власти	4,8	30,5	25,1	19,6
СМИ	2,4	28,2	29,5	29,1

Учитывая, что в России пока низка гражданская активность как стремление к установлению разнообразных добровольных ассоциаций горизонтального уровня — клубы, союзы, приходы, партии, благотворительные организации, — можно было бы предположить, что в стране развивается «фамилистический» тип общества. Однако очень высокое доверие друзьям, практически такое же, как родственникам и членам семьи (89,7% «полностью доверяют» и «скорее доверяют»), дает основание считать, что потенциал горизонтальных связей все же очень широк, но он пока не находит выхода в создании гражданских ассоциаций. П. Штомпка обратил внимание, что становление доверия в обществе проходит в три этапа — сначала оно формируется на индивидуальном уровне, потом на массовом уровне, и потом, в результате длительного периода сохранения устойчивого доверия в стране, формируется культура доверия [32, с. 292]. Высокое доверие друзьям можно рассматривать как этап становления доверия и первый шаг в направлении формирования культуры доверия в России.

Важнейший вклад в формирование «культуры доверия» вносит институциональное доверие в отношении социальных институтов

и персоналий, обеспечивающих поддержание порядка в обществе и ответственных за контроль над соблюдением правил.

Многие исследователи сообщают о низком уровне «вертикально-го» институционального доверия в России [4]. В Москве, по данным нашего исследования, уровень институционального политического доверия значительно ниже, чем уровень межличностного доверия. Членам семьи, родственникам, друзьям доверяют 88–96%, а правительству России, московской мэрии и правительству Москвы — 49–55%, представителям местной власти — 35,3%, судьям — 25%, СМИ — 30,6% (по сумме ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю», см. табл. 2).

Анализ оснований для доверия / недоверия дает возможность определить значимость для людей тех условий, при которых они могут проявить доверие или отказать в нем, и позволяет оценить, *на каком фундаменте строится культура доверия в Москве*, какова роль базового доверия. Можно выделить три его размерности:

1. Доверие как аспект межличностных отношений и отношений сотрудничества. Оно зиждется на оценке добросовестности и надежности партнера, его можно трактовать как «отраженную честность других».

2. Доверие как психологическая установка, в основе его доверчивость как личностная склонность. Оно формируется на основе базового доверия к миру и подкрепляется благополучным опытом взаимодействия с людьми.

3. Культура доверия как давление среды, принуждающее к добросовестному поведению [32, с. 166, 243, 291].

Для того чтобы прояснить основания для доверия / недоверия, сложившиеся в московском социуме, мы попросили респондента указать три причины (из девяти предложенных), по которым он доверяет или не доверяет окружающим. Ответ на вопрос «Назовите три главные причины, по которым Вы доверяете тем людям, которым доверяете» позволил нам оценить мотивы доверительного поведения в отношении знакомых людей, раскрыть актуальные источники межличностного доверия. Выбор ответов «уважают закон», «дорожат своей репутацией», «соблюдают принятые в обществе правила» отражает опору москвичей на культуру доверия. Выбор ответов, связанных с оценкой личных качеств партнера и опытом взаимодействия с ним, показывает распространение доверия как аспекта межличностных отношений. Выбор ответа «просто надеюсь, что меня не подведут» позволяет оценить масштабы базового доверия.

Исследование обнаружило, что наиболее популярным основанием доверия для москвичей является индивидуальная оценка надежности и добросовестности партнера. «Честные», «имеют совесть», «ответственные, держат данное слово» — эти характеристики набирают

49–60%. Те характеристики (причины), которые отражают культуру доверия («уважают закон», «дорожат своей репутацией», «соблюдают принятые в обществе правила»), набирают от 21 («уважают закон») до 10% («соблюдают принятые в обществе правила»). Доверие, построенное на основе личного опыта («поддерживали меня в трудную минуту»), довольно популярно (35%), а базовое доверие («просто надеюсь, что меня не подведут») набирает 15% голосов (см. табл. 3).

Основания для *недоверия* среди москвичей складываются таким же путем — путем личной оценки меры порядочности и добросовестности партнеров, опыта неудачного взаимодействия («не поддержали меня в трудную минуту») и на основе критериев, отражающих культуру недоверия («не уважают закон», «не дорожат своей репутацией», «не соблюдают принятые в обществе правила»).

Отметим, что установка базового доверия к окружающим («просто надеюсь, что они меня не подведут») среди москвичей набирает 15%, а базового недоверия («просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут») — 19% (см. табл. 3).

Таблица 3

**Основания для доверия и недоверия у москвичей,
% от общего числа опрошенных; ответы ранжированы**

Основания для доверия: «Назовите три главные причины, по которым Вы доверяете тем людям, которым доверяете»	
честные	60
имеют совесть	54
ответственные, держат данное слово	49
поддерживали меня в трудную минуту	35
уважают закон	21
дорожат своей репутацией	16
просто надеюсь, что они меня не подведут	15
соблюдают принятые в обществе правила	10
Основания для недоверия: «Назовите три главные причины, по которым Вы НЕ доверяете тем людям, которым НЕ доверяете»	
не отличаются честностью	64
не имеют совести	53
безответственные, не держат данное слово	51
не уважают закон	24
не поддержали меня в трудную минуту	20
просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут	19
не дорожат своей репутацией	17
не соблюдают принятые в обществе правила	9

Таким образом, в целом у москвичей доверие к людям складывается в первую очередь на основе индивидуальной оценки добросовестности, надежности партнера и на основе личного опыта взаимодействия с ним. Правила, подразумевающие наличие культуры доверия, учитываются, но они уступают двум другим основаниям доверия. Как неотъемлемая часть привычных норм культура доверия оказывает давление на людей, заставляя их следовать правилу: необходимо верить людям, полагая, что они честны, пока не окажется наоборот, но сегодня эта установка мало популярна среди москвичей, которые предпочитают полагаться на индивидуальную оценку благонадежности партнера и свой личный опыт. Согласно опросу ФОМ «Честность в теории и на практике. Что россияне думают о лжи? И часто ли лгут сами?» (2013) [30],³ лишь 24% россиян считают, что в мире в целом больше правдивых людей, а 63% — что больше тех, кто лжет.

Исследование дает основание предполагать, что культура доверия была сильно подорвана постсоветским социальным кризисом; об этом свидетельствует распределение оснований доверия, характерных для разных возрастных групп. Если выделить группу молодых людей (18–34 лет), группу среднего возраста (35–54 лет) и группу старшего возраста (свыше 55 лет), то в целом мы не обнаружим в них межпоколенные различия в мере доверия / недоверия, оказываемого ими людям, однако обнаружим различия в *основаниях доверия*. «Честность» как основание доверия чаще выбирают старшие, чем молодые (66 против 57%), «уважение к закону» также чаще предпочитают старшие, чем молодые и люди среднего возраста (32 и 14, 19% соответственно).

При этом «ответственность, верность слову» чаще выбирается молодыми, чем старшими (51 против 43%), и «поддерживали меня в трудную минуту» чаще отмечается молодыми (47%), чем старшими (27%) и людьми среднего возраста (29%).

Эти же тенденции проявляются и в выборе оснований для *недоверия*. «Неуважение к закону» более значимо для старших (32%), чем для молодых (19%) и людей среднего возраста (22%). «Не имеют совесть» также важнее для старших (58%), чем для молодых (48%), а такое основание для недоверия, как «не поддержали меня в трудную минуту», чаще выбирается молодыми (27%), чем старшими (17%).

Итак, основание, связанное с культурой доверия («уважение к закону»), чаще выбирается людьми старшего возраста (свыше 55 лет), прошедшими социализацию в советское время. А оценка личной надежности («ответственные, держат данное слово») и собственный опыт как причина для доверия более важны для молодых людей 18–34

³ Данные телефонного опроса по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. Опрос проведен 13 октября 2013 г. в 320 городах, 160 селах. Объем выборки — 1000 респондентов.

лет, чей опыт социализации приходился в основном уже на постсоветский период.

Образование также оказывает влияние на выбор оснований для доверия или недоверия. «Ответственные, держат слово» как основание для доверия чаще выбирается людьми с высшим образованием и реже со средним (56 против 43%) и, соответственно, «безответственные, не держат слова» (как основание для недоверия) тоже чаще выбирается людьми с высшим образованием и реже со средним (56 против 44%).

Итак, сети доверия в Москве формируются главным образом на основе ближайшего родственного и дружеского круга; ведущим основанием для доверия является оценка благонадежности партнера, личный опыт взаимодействия с ним. Очевиден дефицит базового доверия. Ответ «просто надеюсь, что меня не подведут» набирает лишь 15% голосов, а уровень базового недоверия («просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут») достигает 19%.

Обобщенное доверие и этническая толерантность в московском социуме

Роль доверия как основы этнической толерантности приобретает очевидность при анализе установок, отражающих отношение москвичей к этнокультурному разнообразию, которое стало стремительно проявляться в Москве в постсоветский период. Толерантность в социологической перспективе можно охарактеризовать как готовность мириться с существующими в обществе этническими, культурными, религиозными различиями [27, с. 25–26]. Согласно Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО [5], уважение к культурному разнообразию выражается в готовности к *сотрудничеству* с людьми независимо от их религии, расы, этничности, культуры. Отечественные исследователи рассматривают толерантность как норму жизни в мире разнообразия, противостоящую парадигме конфликтности [3], как готовность к взаимодействию и принятию людей «такими как они есть» [7], как способ существования какой-либо ценности [29].

Понимание толерантности в качестве социальной нормы межличностного взаимодействия смыкается с пониманием доверия как социальной нормы взаимодействия [36]. Толерантность как моральный идеал [17] выражается в уклонении от применения силы в решении возникающих социальных противоречий и проблем. В психологическом плане его коррелятом является отсутствие враждебности, навык психологического сопротивления неприемлемым нормам и ценностям без применения насилия в отношении носителя этих ценностей и норм [35, с. 8, 10]. Очевидно, что уклоняться от насилия в урегулировании противоречий может лишь тот, кто сохраняет определенную долю

доверия к миру и людям, готов к сотрудничеству и, в той или иной мере, к «принятию» людей независимо от разногласий с ними в ценностно-смысловом поле.

Индикаторами этнической толерантности для нас являются следующие социально-психологические ориентации (см. табл. 4):

- отсутствие устойчивых ксенофобных установок как длительно переживаемой враждебности к людям других национальностей; (*никогда* не чувствуют враждебность к людям другой национальности 44,2% москвичей);

- отказ от применения насилия в урегулировании возникающих межэтнических напряжений, споров, конфликтов, противостояний; (*полностью* согласны с тем, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», 67,2% москвичей);

- готовность принять человека другой национальности в качестве соседа, жителя своего города / села, гражданина России как выражение обобщенной установки к сотрудничеству (соответственно 75,8, 71,4 и 75,5%);

- признание равноправия всех народов России (57,4%);

- актуализированная российская идентичность как индикатор интеграции общества.

Исследование показывает, что межличностное доверие является реальным фактором сглаживания возможных межэтнических напряжений и противоречий, возникающих в московском социуме и осложняющихся в условиях массового притока иноэтнических мигрантов [22]. Все обозначенные выше показатели межэтнической толерантности активнее проявляются среди тех, кто предпочитает придерживаться в своей жизни установок обобщенного доверия к людям (см. табл. 4). Доверие и этническая толерантность сегодня являются действенными факторами формирования межэтнического согласия в России.

Среди тех, кто доверяет окружающим, 48,5% *никогда* не чувствуют враждебность к людям другой национальности (среди не доверяющих — 39,8%); среди тех, кто доверяет людям, 63% поддерживают мнение, что «Россия — общий дом многих народов; все народы должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ» (в группе не доверяющих — 51,6%). Подавляющее большинство доверяющих (71,8%) *полностью* согласны с тем, что насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо (среди не доверяющих — 62,4%), и 33% обладают актуализированной российской идентичностью, указав, что они в «значительной степени» ощущают близость со всеми гражданами России (в группе не доверяющих — 22,4%).

Таблица 4

Показатели этнической толерантности в группах москвичей, доверяющих и не доверяющих людям, % от общего числа опрошенных

Показатели толерантности	Доля тех, кто считает, что...		В среднем
	большинству людей можно доверять*	большинству людей нельзя доверять**	
<i>Никогда не чувствуют враждебность к людям другой национальности</i>	48,5	39,8	44,2
<i>Полностью согласны с тем, что насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо</i>	71,8	62,4	67,2
<i>Согласны с тем, что Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ</i>	63,0	51,6	57,4
<i>В значительной степени ощущают себя гражданами России</i>	33,0	22,4	27,8
<i>Согласны, что там, где они живут (в доме, во дворе, в микрорайоне), у них хорошие отношения с приезжими из других республик России</i>	83,5	72,9	78,5
<i>Против ограничений приезда в Москву и Московскую область на постоянное место жительства и на заработки приезжих из других республик России (с российским гражданством)</i>	37,8	28,0	32,9

*Объединение ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять».

**Объединение ответов «большинству людей скорее нельзя доверять» и «большинству людей точно нельзя доверять».

Эти данные могут служить подтверждением того, что толерантность в современных обществах, в том числе этническая толерантность как аспект межличностного и межгруппового взаимодействия, в значительной степени опирается на установки обобщенного доверия, в немалой степени обусловленного практикой повседневных социальных взаимодействий. Среди доверяющих людям (см. табл. 4) больше тех, кто признается в добрососедских отношениях с приезжими (83,5 против 72,9% среди не доверяющих), и выше доля тех, кто высказывается против ограничений приезда в Москву и Московскую область *россиян* из других республик страны, желающих в столичном регионе жить и работать.

Готовность к сотрудничеству с людьми независимо от их этнической и религиозной принадлежности является социальной опорой то-

лерантности. Для ее оценки нами использовалась модифицированная 4-балльная шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Готовность принять человека другой национальности в качестве гражданина России, соседа, члена семьи и т. д. оценивалась с помощью шкалы: «готов принять», «скорее готов принять», «скорее не готов принять», «не готов принять».

Готовность иметь дело с представителями иных этнических групп может принимать значение от безусловной толерантности — готовности принять человека другой национальности в качестве *члена своей семьи* (своего супруга или супруга своих детей) до относительной толерантности — готовности принять человека другой национальности в качестве своего *соседа, жителя своего города / села, гражданина своей страны*.

В Москве показатели безусловной толерантности поддерживаются на уровне 41–44% (готовы принять человека другой национальности в качестве члена семьи). Относительная толерантность предполагает не столь близкое общение. Она обусловлена в первую очередь нормами *добрососедства* (согласие жить с людьми другой национальности по соседству, в общем городе и стране), поэтому имеет смысл ее называть *нормативной этнической толерантностью*. В Москве, по данным нашего исследования, ее уровень достигает 71–75% (см. табл. 5).

Добрососедские отношения возникают на основе личного опыта знакомства и повседневной взаимной поддержки. По данным ФОМ («Соседи: взаимопомощь и конфликты. Знают ли горожане своих соседей? Дружат ли с ними? И помогают ли друг другу? Отношения жильцов многоквартирных домов с соседями», 2014)⁴, лишь 4% россиян не знают своих соседей; 2/3 знают в лицо тех, с кем рядом живут; и 3/4 россиян независимо от того, знакомы они с соседями или нет, здороваются со всеми соседями. Помогают соседям 81% жителей многоквартирных домов, и почти столько же сами получают помощь от соседей; 41% ходят в гости друг к другу [25]. Напомним, что по данным нашего исследования, 62,2% москвичей доверяют соседям

Такая нормативная этническая толерантность, построенная на добрососедстве, отражает исторический опыт российской многонациональности и выступает первичным условием (наряду с тесными дружескими и соседскими связями) формирования гражданского общества.

Для дальнейшего анализа нам важно выделить долю тех, кто без колебаний готов принимать людей другой национальности в качестве соседей, жителей своего города и граждан России. В силу того, что они уверенно выбирают ответ «готов принять», а не «скорее готов принять», их можно назвать людьми, обладающими убежденной нормативной толерантностью. Их доля в Москве достаточно велика и составляет 24,6–28,4% (см. табл. 5).

⁴ Данные телефонного опроса по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. Опрос проведен 11 мая 2014 г. в 320 городах и 160 селах. Выборка — 1000 респондентов.

Таблица 5

Установки нормативной и безусловной этнической толерантности

Распределение ответов на вопрос: «Вы готовы или не готовы принять человека другой, отличной от Вашей национальности...?», % от общего числа опрошенных

Готовность принять человека другой национальности...	Варианты ответов			
	готов	скорее готов	скорее не готов	не готов
<i>Нормативная толерантность</i>				
как гражданина России	28,4	47,1	15,7	5,3
как жителя Вашего города, села	26,4	45,0	18,3	6,6
как соседа по дому	24,6	51,2	15,0	6,1
<i>Безусловная толерантность</i>				
как мужа Вашей дочери или жены Вашего сына	17,0	27,7	20,3	18,6
как Вашего супруга / супруги	15,6	25,2	18,2	26,4

Анализ показал, что установки убежденной нормативной толерантности, которых придерживаются 28,4–24,6% москвичей, значительно возрастают вместе с ростом доверия окружающим и падают вместе с падением этого доверия. Среди тех, кто в целом доверяет людям, 33,6%, готовы принять человека иной национальности в качестве гражданина России (среди не доверяющих — 23,3%); 31,3% готовы жить с людьми другой национальности в одном городе (среди не доверяющих — 22%); 29,7% готовы соседствовать с ними (среди не доверяющих — 21,1%) (см. табл. 6).

Таблица 6

Убежденная нормативная этническая толерантность

в зависимости от доверия, % от общего числа опрошенных

Убежденная нормативная толерантность	Среди тех, кто считает, что...	
	большинству людей можно доверять*	большинству людей нельзя доверять**
готов принять человека другой национальности как гражданина России	33,6	23,3
готов принять человека другой национальности как жителя своего города	31,3	22,0
готов принять человека другой национальности как своего соседа по дому	29,7	21,1

*Объединение ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять».

**Объединение ответов «большинству людей скорее нельзя доверять» и «большинству людей точно нельзя доверять».

Заключение

Среди москвичей, придерживающихся в своей жизни установок доверия к людям, возрастают ведущие показатели этнической толерантности — признание равноправия народов России, отказ от применения насилия в урегулировании возникающих межэтнических напряжений, отсутствие устойчивых ксенофобных установок, готовность к взаимодействию с людьми независимо от их этничности.

Москва традиционно сложилась как город больших возможностей; в постсоветское время она стала городом, подобным мировым мегаполисам — центром притяжения для активных и амбициозных, куда в стремлении найти работу и проявить себя стекаются люди различных национальностей из российских областей и республик, из бывших республик Советского Союза. В этих условиях этническая толерантность выступает необходимым элементом становления культуры доверия.

Под влиянием радикального общественного перелома 1991—1993 гг. культура доверия в России была сильно деформирована, отчасти разрушена, но в течение последних 20 лет в результате медленной ценностной трансформации она постепенно воссоздается благодаря социальной стабильности, позитивному опыту повседневного взаимодействия, взаимному ответственному поведению.

Исследование в Москве показало, что этническая толерантность как принятие в той или иной мере культурного разнообразия, установка на мирное разрешение возникающих межэтнических споров и противоречий в своем формировании в значительной степени основывается на доверии, а обобщенное доверие, возникающее в культурно неоднородной социальной среде, поддерживается этнической толерантностью. Связующим звеном между этими процессами выступают взаимоотношения сотрудничества. Культура доверия, формируемая повседневными социальными связями с элементами сотрудничества, ответственности и взаимной поддержки, создает основу для масштабных интеграционных процессов и гражданской самоорганизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева А.Ю.* Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22—40.
2. *Алмонд С., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122—134.
3. *Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2001. № 3—4. С. 97—103.
4. *Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 249—280.
5. Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 //

- Организация Объединенных Наций [электронный ресурс]. Дата обращения 25.07.2015. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml>.
6. Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий // ФОМ [электронный ресурс]. Дата обращения 25.10.2014. URL: <<http://fom.ru/TSennosti/11253>>.
  7. Дробижева Л.М. Социальные и политические условия формирования толерантности в российском обществе // Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2003. С. 53–76.
  8. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. — 288 с.
  9. Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291.
  10. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.
  11. Козырева П.М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 24–33.
  12. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.
  13. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
  14. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Концепция доверия в теориях политической культуры: линии критического анализа // Ученые Записки СПб филиала РТА. 2014. № 3 (51). С. 112–137.
  15. Мерсиянова И.В. Доверие и недоверие в гражданском обществе // Ученые записки ИМЭИ. Том 2. № 1. 2012. С. 24–33.
  16. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
  17. Николсон П. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. 2001. № 1. С. 129–146.
  18. Общественное мнение-2014. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2015. — 234 с.
  19. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996. — 288 с.
  20. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126–132.
  21. Ресурс межэтнического согласия в Москве / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014 // Официальный сайт Института социологии РАН [электронный ресурс]. Дата обращения 12.06.2015. URL: <http://www.isras.ru/inab_2014_02.html>.
  22. Рыжова С.В. Доверие в полиэтничном обществе и риски интолерантности и ксенофобии // Ресурс межэтнического согласия в Москве / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии

- РАН, 2014 // Официальный сайт Института социологии РАН [электронный ресурс]. Дата обращения 12.06. 2015. URL: <http://www.isras.ru/inab_2014_02.html>.
23. *Сасаки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В.* Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 60–73.
  24. *Скрипкина Т.П.* Доверие как социально-психологическое явление. Дисс... д-ра психол. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. пед. ун-т, 1998. — 392 с.
  25. Соседи: взаимопомощь и конфликты. Знают ли горожане своих соседей? Дружат ли с ними? И помогают ли друг другу? Отношения жильцов многоквартирных домов с соседями // ФОМ [электронный ресурс]. Дата обращения 20.07.2015. URL: <www.fom.ru/Obraz-zhizni/11586>.
  26. *Татарко А.Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. — 384 с.
  27. *Уолцер М.* О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 160 с.
  28. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 730 с.
  29. *Хомяков М.Б.* Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4. С. 98–112.
  30. Честность в теории и на практике. Что россияне думают о лжи? И часто ли лгут сами? // ФОМ [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2015. URL: <www.fom.ru/TSennosti/11453>.
  31. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Михеева В.В.* Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества) // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 10 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2015. URL: <www.vestnik.isras.ru>.
  32. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2014. — 440 с.
  33. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А.Д. Андреевой, А.М. Прихожан, В.И. Ривош, Н.Н. Толстых; Под ред. А.В. Толстых. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. — 352 с.
  34. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1996. — 186 p.
  35. *Newman J.* Foundations of Religious Tolerance. Toronto: University of Toronto Press, 1982. — 184 p.
  36. *Uslaner E.* The Moral Foundations of Trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 311 p. DOI: 10.1017/CBO9780511614934

Дата поступления: 05.08.2015.

S. V. RYZHOVA

Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation.

Ryzhova Svetlana Valentinovna — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow at the Department of Ethnosociology, Institute of Sociology of Russian Academy of Science. **Address:** Krzhizhanovskogo st., 24/35, bl. 5, 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 128-56-51. **Email:** Silica2@yandex.ru

TRUST AND ETHNIC TOLERANCE UNDER CONDITIONS OF SOCIAL CHANGE

Abstract. The purpose of the article is to consider the conceptual approaches to the study of trust, instruments of its study, and empirical research of the level of trust and ethnic tolerance in Moscow. The paper presents the results of sociological research of Muscovites carried out in 2014 by the method of formalized interview. The author studied attitudes of trust and distrust, subjective ground for the trust and distrust which have developed in the Moscow society. Some problems of the empirical study of the level of generalized trust are discussed. The simple 4-point scale was used as a tool for study of trust. The research found that the population of Moscow is strongly polarized — 47.6% tend to trust people in general, and 46.5% — do not trust. The networks of trust in Moscow are formed mainly on the basis of the closest circle of relatives and friends; trust is formed by assessing the reliability of partners. Rules and norms underlying the culture of trust are taken into account but they are inferior to the other grounds of trust. There is the obvious shortage of basic trust. The research indicates that ethnic tolerance and generalized trust are interrelated phenomena. Ethnic tolerance assists to generalized trust. Certain degree of ethnic tolerance, favorable (or just neutral) attitudes towards ethno-cultural diversity of society is necessary for the formation of generalized trust. Modern culture of trust in Moscow is created on the basis of cooperation, friendly relations and good neighborly.

Keywords: trust, grounds for trust and distrust, ethnic tolerance, ethnic tolerance indicators, culture, Moscow.

REFERENCES

1. Alekseeva A. Yu. The main elements and the structure of interpersonal trust. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2009. № 3. P. 22–40. (In Russ.)
2. Almond S., Verba S. Civil Culture and Stability of Democracy. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1992. № 4. P. 122–134. (In Russ.)
3. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L. A. Regarding the Meaning of the Concept “Tolerance”. *Vek tolerantnosti. Nauchno-publitsisticheskii Vestnik*. 2001. № 3–4. P. 97–103. (In Russ.)
4. Gudkov L. Trust in Russia: Meaning, Function, Structure. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012. № 117. P. 249–280. (In Russ.)
5. *Deklaratsiya printsipov terpimosti YuNESKO. Utverzhdena rezolyutsiei 5.61 General'noi Konferentsii YuNESKO ot 16 noyabrya 1995.* [Declaration of Principles on Tolerance adopted by the General Conference of UNESCO on 16 November 1995]. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [online]. Accessed 25.07.2015. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml>.
6. *Doverie v obshchestve. O sotsial'nom, mezhlchnostnom doverii i gotovnosti ob"edinyat'sya dlya sovmestnykh deistvii.* [Trust in society. Social, interpersonal trust and readiness to unite for joint action.] FOM [online]. Accessed 25.10.2014. URL: <<http://fom.ru/TSennosti/11253>>.
7. Drobizheva L. M. Sotsial'nye i politicheskie usloviya formirovaniya tolerantnosti v rossiiskom obshchestve. [Social and political conditions for forming tolerance in

- Russian society.] *Sotsiologiya mezhetnicheskoi tolerantnosti*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN Publ., 2003. P. 53–76. (In Russ.)
8. Il'in E.P. *Psikhologiya doveriya*. [Psychology of Trust.] St Petersburg: Piter, 2013. 288 p.
  9. Inglekharth R. Modernization and Postmodernization. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya*. Ed. by V.L. Inozemtseva. Moscow: Academia Publ., 1999. P. 261–291. (In Russ.)
  10. Inglekharth R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence.] Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p.
  11. Kozyreva P.M. Regarding the question of trust in workers' collectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 11. P. 24–33. (In Russ.)
  12. Kozyreva P.M. Contemporary configuration of identities and role of trust in it's making. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 8. P. 29–39. (In Russ.)
  13. Koulman Dzh. Social and Human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 3. P. 121–139. (In Russ.)
  14. Lukin V.N., Musienko T.V. The concept of trust in theories of political culture: Critical analysis prospects. *Uchenye Zapiski SPb filiala RTA*. 2014. № 3 (51). P. 112–137. (In Russ.)
  15. Mersyanova I.V. Trust and distrust in the civil society. *Uchenye zapiski IMEI*. Vol. 2. № 1. 2012. P. 24–33. (In Russ.)
  16. Mukomel' V.I. Xenophobia and migrant-phobias in the context of a culture of trust. *Mir Rossii*. 2014. № 1. P. 137–166. (In Russ.)
  17. Nikolson P. Toleration as a moral ideal. *Tolerantnost'. Vestnik Ural'skogo mezhtseional'nogo instituta obshchestvennykh otnoshenii*. 2001. № 1. P. 129–146. (In Russ.)
  18. *Obshchestvennoe mnenie-2014. Ezhegodnik*. [Public opinion in 2014. Yearbook.] Moscow: Levada-Tsentr Publ., 2015. 234 p.
  19. Patnem R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Transl. from Eng. by A. Zakharov. Moscow: Ad Marginem Publ., 1996. 288 p. (In Russ.)
  20. Reutov E.V., Reutova M.N. Nedoverie v ustanovkakh i praktikakh naseleniya. [Distrust in peoples' attitudes and practices.] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. № 6. P. 126–132.
  21. *Resurs mezhetnicheskogo soglasiya v Moskve*. [A Resource of Interethnic Consent in Moscow.] Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ., 2014. Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii RAN [online]. Accessed 12.06.2015. URL: <http://www.isras.ru/inab_2014_02.html>.
  22. Ryzhova S.V. Doverie v polietnichnom obshchestve i riski intolerantnosti i ksenofobii. [Trust in the multi-ethnic society and the risks of intolerance and xenophobia.] *Resurs mezhetnicheskogo soglasiya v Moskve*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ., 2014. Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii RAN [online]. Accessed 12.06.2015. URL: <http://www.isras.ru/inab_2014_02.html>.
  23. Sasaki M., Davydenko V.A., Romashkina G.F., Voronov V.V. Sravnitel'nyi analiz doveriya v razlichnykh stranakh. [Sociocultural basis of the institutional trust.] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. № 3. P. 60–73.
  24. Skripkina T.P. *Doverie kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie. Diss... d-ra psikholog. nauk*. [Trust as a socio-psychological phenomenon. Dissertation.] Rostov-na-Donu: Rostovskii gos. ped. un-t Publ., 1998. 392 p.
  25. *Sosedi: vzaimopomoshch' i konflikty. Znayut li gorozhane svoikh sosedei? Druzhat li s nimi? I pomogayut li drug drugu? Otnosheniya zhiltsov mnogokvartirnykh domov s sosedyami*. [Neighbors: Mutual aids and conflicts. Do citizens know their neighbors? Are the neighbors friends? Do they help each other? Relations tenants living in apartment buildings with neighbors.] FOM [online]. Accessed 20.07.2015. URL: <www.fom.ru/Obraz-zhizni/11586>.

26. Tatarko A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve*. [Social and Psychological Capital of Personality in a Multicultural Society.] Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2014. 384 p.
27. Uoltser M. On Toleration. [Russ. ed.: *O terpimosti*. Transl. from Eng. by I. Myurnberg. Moscow: Ideya Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 2000. 160 p.]
28. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. [Russ. ed.: *Doverie: Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. Transl. from Eng. by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL Publ., 2006. 730 p.]
29. Khomyakov M.B. Toleration: A Paradoxical Value. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2003. Vol. VI. № 4. P. 98–112. (In Russ.)
30. *Chestnost' v teorii i na praktike. Chto rossiyane dumayut o lzhi? I chasto li lgut sami?* [Honesty in theory and in practice. What do Russians think about lie? And how often do they tell lie?] FOM [online]. Accessed 18.07.2015. URL: <www.fom.ru/TSennosti/11453>.
31. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Mikheeva V.V. *Doverie i nedoverie v samoregulyatsii emotsional'nogo sostoyaniya sub'ektov sotsial'nykh vzaimodeistvii (na primere ukrainskogo obshchestva)*. [Trust and Distrust in Self-Regulation of the Emotional State of the Subjects of Social Interactions (on the Example of the Ukrainian Society).] *Vestnik Instituta sotsiologii RAN*. 2014. № 10 [online]. Accessed 15.07.2015. URL: <www.vestnik.isras.ru>. (In Russ.)
32. Shtompka P. Zaufanie fundament spoleczenstwa. [Russ. ed.: *Doverie — osnova obshchestva*. Transl. from Polish by N.V. Morozova. Moscow: Logos Publ., 2014. 440 p.]
33. Erikson E. Identity: Youth and crisis [Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. by A.D. Andreeva, A.M. Prikhozhan, V.I. Rivosh, N.N. Tolstykh; Ed. by A.V. Tolstykh. Moscow: Flinta: MPSI: Progress Publ., 2006. 352 p.]
34. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1996. 186 p.
35. Newman J. *Foundations of Religious Tolerance*. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 184 p.
36. Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 311 p. DOI: 10.1017/CBO9780511614934

Received: 05.08.2015.
